

18. The Declaration of Principles for International Election Observation, The Code of Conduct for International Election Observers. – NY : UN, 2005.

19. UN General Assembly resolution 49/190, 23 December 1994 «Strengthening the role of the United Nations in enhancing the effectiveness of the principle of periodic and genuine elections and the promotion of democratization».

References

1. Grishin N. V. Izbiratel'naja sistema kak institut artikuljicii politicheskikh interesov obshhestva [The electoral system as an articulation institution]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 2013, no. 2, pp. 42–48.
2. Grishin N. V. Gosudarstvennaja jelektoral'naja politika: predmetnaja oblast' novogo nauchnogo napravlenija [State Electoral Policy: Subject Domain of New Scientific Field]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 2014, no. 3, pp. 71–82.
3. Karabushhenko P. L. Tenevaja i publichnaja sfery dejatel'nosti sovremennykh politicheskikh elit [Latent and Public Aspects in the Activities of Contemporary Political Elites]. *Jekstraordinarnost', sluchajnost' i protest v politike: tematicheskoe i metodologicheskoe pole sravnitel'nyh issledovanij*; ed. by. L. V. Smorgunov, E. V. Morozova. Krasnodar, 2011, pp. 260–268.
4. Ljubarev A. E. Problemy sistematizacii mezhdunarodnykh izbiratel'nykh standartov [Problems of the systematization of international election standards]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2009, № 3 (75), pp. 5–25.
5. Marmilova E. P. Sootvetstvie izbiratel'nogo zakonodatel'stva RF mezhdunarodnym standartam o vyborah [Compliance with the electoral legislation of the Russian Federation to international standards on elections]. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008, no. 3, pp. 65–69.
6. Morozova O. S. Territorial'nye osnovy organizacii vyborov: mirovaja praktika [The territorial basis for the organization of elections: the international practice]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2014, no. 4, p. 663.
7. Morozova O. S. Jelektoral'noe targetirovanie v izbiratel'nom processe [Electoral Targeting in Electoral Process]. *Rossijskij nauchnyj zhurnal*. 2012, no. 6, pp. 48–53.
8. *Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE*.
9. *African Charter on Democracy, Elections and Governance*. African Union, 2007.
10. *African Union Declaration on the Principles Governing Democratic Elections in Africa*, 2002.
11. *Choosing the date of an election*, Venice Commission, 2007.
12. *Code of good practice for referendums*, Venice Commission, 2007.
13. *Code of Good Practice in Electoral Matters*. Adopted by the Venice Commission at its 52nd session. Venice Commission, 2002.
14. *Imperative mandate and similar practices*, Venice Commission, 2009.
15. *Remote voting and electronic voting*, Venice Commission, 2012.
16. *Report on electoral law and electoral administration in Europe*, Venice Commission, 2006.
17. *Report on measures to improve the democratic nature of elections in Council of Europe member states*, Venice Commission, 2012.
18. *The Declaration of Principles for International Election Observation, The Code of Conduct for International Election Observers*. NY: UN, 2005.
19. UN General Assembly resolution 49/190, 23 December 1994 «Strengthening the role of the United Nations in enhancing the effectiveness of the principle of periodic and genuine elections and the promotion of democratization».

ВОЙНЫ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ КАК НОВАЯ МЯГКАЯ СИЛА

Новоселов Сергей Вениаминович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414000, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: seveno@rambler.ru

В статье говорится, что все чаще в политическом лексиконе используется слово «война». Разнообразие войн поражает. Появились вооружения, которые никак не связаны с традиционными видами оружия и могут использоваться скрытно, в том числе без обнаружения реальной стороны, стоящей за применением этого вооружения. Если раньше можно было четко разделить друг от друга политическое принуждение и вооруженные столкновения, обычную войну и террористические операции, финансово-экономические диверсии и партизанскую герилью, то сегодня все смешалось в некое единое, подчас неразделимое целое. И все же, несмотря на различную терминологию, практически все специалисты едины в том, что уже сейчас вооруженным силам и всему обществу приходится сталкиваться с совершенно новыми угрозами и вызовами, которые не могут быть отражены привычными формами и методами. Террористические атаки против зданий Пентагона в Вашингтоне и Мирового торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. явились устрашающими примерами того, как принципы новой войны претворяются в жизнь. Граница между понятиями войны и мира исчезает, равно как различие между военными и гражданскими может исчезнуть в будущем. В последнее время для решения межгосударственных проблем, существующих в современном мире, в дополнение к традиционным дипломатическим акциям и боевым действиям все

больше стали применяться технологии не прямых действий, подрывающих государство-соперника изнутри. Названий таким технологиям много: «мягкая сила», «умная сила», «управляемый хаос», «информационные войны», «кибервойны», «гибридные войны» и т.д. Рассмотрению данных понятий и посвящена данная статья.

Ключевые слова: война, государство, «стратегии не прямых действий», технологии не прямых действий, мягкая сила, умная сила, управляемый хаос, информационная война, кибервойна, контентные войны, гибридные войны, информационно-коммуникационные технологии, манипулирование поведением, пропаганда

NEW GENERATION OF WAR – AS NEW SOFT POWER

Novoselov Sergey V., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: seveno@rambler.ru

The article says that increasingly in the political lexicon used the word «war». A variety of wars is astounding. Appeared weapons which are not connected with traditional weapons and can be used covertly, including without detection real side behind the use of these weapons. If earlier it was possible to clearly separate from each other political coercion and armed clashes, conventional war and terrorist operations, financial and economic sabotage and guerrilla, today everything is mixed up in some sort of single, sometimes inseparable whole. And yet, despite different terminology, almost all experts agree that now the armed forces and society faced with entirely new threats and challenges that may not be reflected traditional forms and methods. Terrorist attacks against buildings of the Pentagon in Washington and the World trade center in New York on 11 September 2001 were a frightening examples of how the new principles of war are brought to life. The boundary between the concepts of war and peace disappears, as does the distinction between military and civilian may disappear in the future. Recently to solve interstate problems existing in the modern world, in addition to the traditional diplomatic and military operations have increasingly used technology for indirect actions that undermine the state rival on the inside. Names such technologies are many: «soft power, smart power», the «controlled chaos», «the information war», «warfare», «hybrid war», etc. Consider these concepts and focus of this article.

Keywords: war, state, «indirect action strategy» technology of indirect actions, soft power, smart power, controlled chaos, information warfare, cyberwarfare, content war, hybrid war, information and communication technology, to manipulate the behavior, propaganda

В последнее время для решения межгосударственных проблем, существующих в современном мире, в дополнение к традиционным дипломатическим акциям и боевым действиям все больше стали применяться технологии не прямых действий, подрывающих государство-соперника изнутри. Названий таким технологиям много: «мягкая сила», «умная сила», «управляемый хаос», «информационные войны», «кибервойны», «гибридные войны» и т.д. [6].

Введенное в научный оборот в 1940-х гг. британским военным теоретиком Бэзилем Гартом понятие «стратегии не прямых действий» предполагает необходимость для решительной победы над противником наносить сосредоточенные массированные удары в первую очередь по тыловым базам и транспортной инфраструктуре противника. Применение подобной стратегии, по замыслу автора, лишает противника возможности оказывать длительное эффективное сопротивление.

Стратегия «управляемого хаоса» вошла в научный и политический оборот с середины 1990-х гг. благодаря американскому дипломату Стивену Манну, опубликовавшему в 1992 г. в журнале вашингтонского Национального военного колледжа США исследование под заголовком «Теория хаоса и стратегическое мышление». По мнению С. Манна, стратегия «управляемого хаоса» – системное дестабилизирующее воздействие на конкретную страну, группу стран или даже на целый регион. Практика показывает, что в наши дни для достижения состояния «управляемого хаоса» применяется широкий набор экономических, политических, информационных, психологических и других методов, имеющих целью подрыв государственного устройства страны, подлежащей, по мнению разработчиков стратегии, трансформации. Поэтому неудивительно, что в последние годы американские политологи все чаще для обозначения подобного воздействия применяют термин «умная сила». В стратегии «управляемого хаоса» выделяются следующие основные элементы.

Подрыв государственного и общественного устройства «государства-жесты» с помощью скрытого влияния на происходящие в этом государстве процессы.

Создание в общественном сознании через СМИ стереотипов зарубежных государств. Они работают на не прямое навязывание обществам других стран выгодного представления о процессах в мире, в отдельных государствах. Эти стереотипы закладывают образ мышления и

поведения, предпочтительные для государства, реализующего стратегию «управляемого хаоса» («государства-агрессора») [13, с. 47].

Давление на «государство-жертву» с использованием стратегии «управляемого хаоса» может осуществляться даже при сохранении официальных дружественных отношений с ней. В качестве основного объекта приложения такой геополитической агрессии выбираются правящие эшелоны власти этого государства через тайное воздействие с использованием агентов влияния. Таким образом достигается манипулирование поведением отдельных индивидуумов и целых групп в обществе в нужном для «страны-агрессора» направлении и, более того, достигается не прямое воздействие как на формирование политики государства-жертвы, так и на непосредственное осуществление его внутренней и внешней политики.

Проведение политики «управляемого хаоса» должно основываться на ряде принципов, каждый из которых соответствует определенному этапу в применении этой политики.

Главный принцип – «государство-агрессор» избегает прямой конфронтации с «государством-жертвой». Для этого используются скрытые, подрывные технологии с целью лишить «государство-жертву» возможности обладать экономической самодостаточностью и самообеспеченностью и поддерживать их.

Главным объектом агрессии с использованием «управляемого хаоса» становится политико-административное устройство «государства-жертвы» и его критически важное звено. «Стране-жертве», как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом плане, наносятся внезапные, множественные, взаимосвязанные в пространстве и во времени изматывающие точечные удары по жизненно важным, слабо защищенным компонентам политической системы [7].

«Государство-агрессор» способствует складыванию в «государстве-жертве» обстановки социально-политического «управляемого хаоса». В дальнейшем это ведет к разрушению государственной системы.

«Государство-агрессор» оказывает содействие в формировании в «стране-жертве» новой государственной системы с опорой на оппозиционные силы (агентов влияния).

В качестве отправного тезиса рассматриваемой стратегии используется постулат о нестабильности, неизменно присущей сфере управления действиями большой группы людей (в нашем случае – государства). По мнению авторов и проводников стратегии «управляемого хаоса», искусственно созданная обстановка нестабильности способствует лавиноподобному росту хаоса и в результате приводит к развалу существующей государственной системы.

Цель стратегии «управляемого хаоса» – поразить системы государственного и военно-политического управления «страны-жертвы» или «страны-объекта», парализовать экономическую активность, дестабилизировать социальную и духовную жизнь этой страны [1, с. 104].

Среди наиболее часто используемых механизмов складывания хаоса в «стране-объекте» многими аналитиками упоминаются:

– навязчивое продвижение с использованием всех доступных средств и методов, в том числе не самых чистоплотных, ценностей и идеалов либеральной демократии, а также экономики, построенной на чисто рыночной основе;

– способствование преимущественному повышению уровня жизни незначительной прослойки населения, навязчиво характеризующейся социальной и духовно-нравственной деградацией, что в сочетании со скрыто поощряемой коррупцией в высших эшелонах власти ведет к расколу в обществе;

– размывание через СМИ, кинопродукцию, социальные сети идейных и духовных ценностей, исторически складывавшихся в обществе «страны-жертвы» (в том числе дискредитация ценностей патриотизма);

– дезориентация молодежи «страны-жертвы», внедрение в сознание ложных ценностей, трансформация мировоззренческих и идеологических установок, создание условий для использования молодежи в качестве «горючего материала» во всевозможных внутренних конфликтах;

– складывание в «стране-жертве» обстановки, благоприятствующей возникновению и эффективному функционированию организаций и движений экстремистского толка (объединяющих политических оппозиционеров, воинствующие националистические и радикально-религиозные элементы, лиц, придерживающихся нетрадиционной сексуальной ориентации, и других маргиналов).

В качестве социальной базы, благоприятной для проведения подрывных действий на основе стратегии «управляемого хаоса», выступает появившаяся в последние годы в обществах многих стран мира прослойка лиц, потерявших свои социальные, конфессиональные и национальные корни, историческую память, не имеющих четких нравственных принципов и поли-

тических ориентиров. Такая прослойка может называться по-разному: «активное меньшинство», «прогрессивное меньшинство», «креативное меньшинство». Данные лица охотно идут на антиобщественные и антигосударственные протестные проявления, через которые они надеются реализовать исключительно свои корыстные политические амбиции, а не интересы государства и общества. Поэтому предпринимаются меры по подпитке таких прослоек кадрами, способными возглавить «несистемную оппозицию», кадрами, способными и желающими взяться за реализацию на месте стратегии «управляемого хаоса».

Термин «информационная война», как принято считать, впервые ввел в оборот американский ученый Т. Рона, который, изначально исходил из того, что концепция информационной войны может быть реализована как на политическом уровне, так и в качестве составляющей действий вооруженных сил государства [2].

На политическом уровне информационное противоборство может осуществляться посредством воздействия «мягкой силой», направленной на оказание информационного влияния на конкурирующие государства, политическую, экономическую и социальную сферы жизни общества, в целях обеспечения собственного доминирования. Оно включает в себя и политическую пропаганду, психологическую обработку населения, а также внедрение в общественное сознание нужных политических мифов и стереотипов поведения [8].

В настоящее время на международном уровне не выработано общепринятого определения «информационной войны». Можно выделить два ключевых подхода к данному термину.

Первый – подход России и ее союзников, которые рассматривают информационные войны в их широком понимании как *противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны* [12].

Второй – американский подход. США в настоящее время используют термин «кибервойна», *под которым понимаются действия государств или международных организаций, направленные на проведение атак против компьютерных систем и сетей другого государства в целях их искажения или разрушения*. Другими словами, данный термин включает в себя исключительно технологические аспекты.

Как представляется, Соединенные Штаты заинтересованы в установлении ограничений границами «кибер», так как информационно-коммуникационная составляющая политики США является важным внешнеполитическим инструментом и в связи с этим не должна рассматриваться в военных категориях, в частности, приравниваться к «применению силы».

Основа военной кибердоктрины США была заложена Директивой министра обороны США «Информационная война» от 21 декабря 1992 г., в которой информационная война определялась как самостоятельное направление оперативной деятельности вооруженных сил и включала в себя пять ключевых элементов: психологические операции, противодействие разведывательной деятельности противника и обеспечение безопасности военных операций, дезинформирование противника, радиоэлектронная борьба и уничтожение пунктов управления и систем связи [9].

Изначально концепция информационной войны охватывала исключительно действия вооруженных сил во время кризиса или конфликта, однако позднее свое развитие получили элементы информационной борьбы в мирное время, в связи с чем министерство обороны США отказалось от дальнейшего использования термина «информационная война», заменив его на «информационные операции», под которыми понимаются меры по воздействию на информацию и информационные системы противника при обеспечении защиты собственной информации и информационных систем.

Сегодня в арсенале министерства обороны США пять ключевых видов информационных операций: *электронная борьба, сетевые компьютерные операции, военные операции информационной поддержки (психологические операции), дезинформация противника и безопасность операций*.

Важно отметить, что информационные операции могут проводиться в военное и мирное время. Иными словами, США ведут информационное противоборство на постоянной основе, и главной задачей является обеспечение стратегического превосходства в киберпространстве для сохранения свободы действий и недопущения аналогичного условия для противников [14, с. 74].

По мнению российских исследователей, «информационная война» – это «...комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. ... Нередко эти методы используются

для взрачивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств» [6, с. 25].

Имеет место и другое определение «информационной войны» – как «коммуникативной технологии по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» [10, с. 20–23].

На то же практически нацелено и политическое манипулирование. Поэтому другая часть определений «информационной войны» связана со специфической формой массированного использования манипулятивных технологий – особым способом перепрограммирования массового и индивидуального сознания в интересах гегемонии тех или иных политических акторов путем изменения сложившейся в сознании групп и индивида картины мира. Параллельно следует выгодное манипулятору структурирование реальности, задающее большинству не только алгоритм поведения, но и образ жизни.

Таким образом, представляется, что и в практическом, и в содержательном плане можно выделить три основных типа «информационных войн»: психологические, кибервойны и поведенческие войны [11].

Психологические – это контентные войны, имеющие своей целью изменение массового, группового и индивидуального сознания или психики. В процессе ментальных войн идет борьба за умы, ценности, установки и т.п. Ментальные войны велись задолго до Интернета, насчитывают историю, измеряемую даже не сотнями, а тысячами лет. Интернет просто перевел эти войны на качественно иной уровень интенсивности, масштабности и эффективности.

Кибервойны – это целенаправленное деструктивное воздействие информационных потоков в виде программных кодов на материальные объекты и их системы. Под кибервойнами понимают целенаправленные действия по причинению ущерба, перехвату управления или разрушению критически важных для функционирования общества и государства сетей и объектов, производственной, социальной, военной и финансовой инфраструктуры, а также роботизированных и высокоавтоматизированных производственных, технологических линий и т.п.

Психологические и кибервойны представляют собой две разновидности войн, ведущихся в сетевом электронном пространстве, которое охватывает не только Интернет, но и закрытые государственные, военные, корпоративные и частные сети. Для каждого из этих двух типов войн свойственны свои инструментарии, методы, стратегии и тактики ведения, закономерности эскалации, возможности предупреждения и т.п.

Что касается **поведенческих войн**, то в настоящее время практически невозможно найти западных публикаций, посвященных данной теме. В значительной степени это связано с ее чрезвычайной деликатностью, в том числе для западного общественного мнения. Кроме того, возможности ведения полноценных поведенческих войн появились лишь недавно в связи с накоплением огромных массивов объективной информации о человеческом поведении, в том числе поведении социальных и иных групп сколь угодно большой размерности. Эти сведения в основном содержатся в Интернете, который по факту является огромным поведенческим архивом.

Возможности поведенческих войн связаны с инструментарием, разрабатываемым на стыке когнитивных вычислений, Больших Данных и междисциплинарного комплекса поведенческих наук, жизненных ситуаций.

В их сердцевине лежит манипулирование вложенными в нас социумом, а также собственной биографией и культурной средой, алгоритмами поведения, привычками, стереотипами деятельности и т.п. *Поведенческое оружие – это оружие завтрашнего дня* [3].

В геополитическом контексте гибридная война представляет собой относительно новое понятие. Гибридная война включает в себя все формы конфликтов. Она отличается от войн предыдущих поколений тем, что, по крайней мере, одна из сторон является чем-то иным, нежели военной силой, организованной и действующей под контролем национального правительства».

Гибридная война формируется в результате воздействия многих факторов, прежде всего политических, экономических и социальных изменений в обществе. Изменения в сфере технологии, безусловно, важны, однако играют в этом смысле далеко не ведущую роль. И хотя в настоящее время нет общепринятого определения «гибридной войны», но некоторые наиболее важные черты ее можно уже сформулировать достаточно четко.

Военная составляющая «гибридной войны». Поле боя для «гибридной войны» – все общество противника целиком.

Новую войну будут вести небольшие подразделения и даже группы комбатантов. В конце XX в. появился целый ряд новых «военных субъектов». Типичным новым феноменом сего-

дня являются вооруженные сети негосударственных и государственных игроков. К ним относятся: полувоенные группы, организованные вокруг харизматического лидера; военные бароны, контролирующие определенные районы; террористические ячейки, фанатики-добровольцы; организованные криминальные группы, части регулярных вооруженных сил и других силовых ведомств, а также наемники и частные военные (охранные) компании.

Целью войны станет «сокрушение противника внутренне», а не физическое уничтожение его. Военные усилия будут направлены на такие цели, как подрыв морального духа населения противника и разрушение его культурной среды обитания. По сути дела, различие между войной и миром будет расплывчатым, если вообще будет. Исчезнут различия между понятиями «военные» и «гражданские».

Сама война все более явственно становится геноцидом – массовым уничтожением населения. По оценкам ученых, 80 % жертв современных войн – гражданское население, в то время как 80 % жертв войн начала XX в. были военнопленными [4].

Технологическая составляющая «гибридной войны». Важным аспектом «гибридной войны» является развитие новых технологий. Робототехника, аппараты дистанционного управления, новые средства связи и искусственный интеллект могут коренным образом изменить тактику ведения военных действий. В то же время, новая технология несет с собой и недостатки – появляются новые уязвимые места, которые ранее отсутствовали. Несмотря на беспрецедентное насыщение информационными технологиями вооруженных сил США и союзников, реальные итоги их военных кампаний последнего времени были плачевны. Об этом говорят иракская катастрофа, перешедшая сегодня в стадию формирования «Исламского государства» (ранее «Исламского государства Ирака и Леванта»); бесславный вывод американских и союзных войск из Афганистана, агрессия в Ливии и последующее затем убийство американского посла в Бенгази и сопутствующие этому события и т.п.

Практика убедительно показала, что само по себе насыщение вооруженных сил электронными технологиями, повышение роли систем сбора, обработки и передачи информации не может принести победу на поле боя даже в противоборстве с иррегулярными формированиями и достаточно слабыми войсковыми подразделениями.

Иными словами, сетцентрический метод ведения войны – это важный инфраструктурно-технологический компонент современной системы управления войсками и организации ведения боя, но отнюдь не эффективное средство обеспечения глобального доминирования и уж тем более не панацея.

В условиях «гибридной войны» психологические операции приобретут доминирующее значение. Главной целью этих операций будет гражданское население, поддерживающее свое правительство в войне.

Идеологическая составляющая «гибридной войны». При анализе «гибридной войны» необходимо четко понимать ее возможные идеологические и политические корни. В прошлые эпохи сила Запада заключалась в более современных технологиях, что на протяжении многих веков обеспечивало доминирование Запада в мире. Теперь же «Запад более не доминирует в мире».

«Гибридная война» может родиться в рамках незападной культурной традиции. Тот факт, что некоторые незападные регионы, не столь сильны в технологиях, может подвигнуть их развить сущность «гибридной войны» через посредство идеологии, а не технологии. Формой такой войны, возникшей на основе идеологии, является терроризм.

Сам по себе терроризм, не является «гибридной войной», однако некоторые его элементы и проявления сегодня несут черты будущих войн. К числу таких черт относятся широкое определение «поле боя» – всего общества в целом; маневренность; действия в малых группах; удары по критическим объектам-целям и т.д.

Таким образом, в результате, «новые войны» очень трудно вести и крайне трудно завершить. Они распространяются посредством беженцев и перемещенных лиц, посредством криминальных сетей и посредством вируса экстремизма, который они же распространяют.

В «новых войнах» нет четких побед или поражений, так как стороны существуют политически и экономически благодаря постоянному насилию.

Список литературы

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995.
2. Беспалов Д. Н. Информационная война, и обеспечение безопасности / Д. Н. Беспалов, М. А. Казаков. – Режим доступа: <http://politrussia.com/society/kto-vyigryvaet-informatsionnyu-836/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Войны будущего сегодня. – Режим доступа: <http://hrazvedka.ru/blog/polya-bitv-v-finansovoe-ekonomicheskoy-vojne.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

4. Дубровский А. Переходим к новым формам войны / А. Дубровский. – Режим доступа: <http://news.rambler.ru/28783458/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Казаков М. А. Гуманитарная безопасность как основание внутренней политики современной России / М. А. Казаков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2013. – С. 22–27. – Сер. Социальные науки. № 1 (29).
6. Как начинаются гибридные войны. – Режим доступа: <http://voprosik.net/informacionnaya-vojna-nachalo-2015/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Карабущенко П. Л. Национальная идея современной России: страна, держава, империя / П. Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2 (39). – С. 151–157.
8. Карабущенко П. Л. Элитология мифа : монография / П. Л. Карабущенко. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 321 с.
9. Касатов В. Информационная война против России: откуда исходят удары / В. Касатов. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2015/01/29/informacionnaja-vojna-protiv-rossii-otkuda-ishodjat-udary-31527.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
10. Почепцов Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2000. – С. 20–23.
11. Психологические войны – новая мягкая сила. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2014-11-18/15_conflict.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
12. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=51984;dst=100107>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
13. Тукмаков Д. Медиаконцерны Старого Света. Кому принадлежат европейские СМИ? / Д. Тукмаков // Русская народная линия. – 2013. – № 3. – 18 июня. – С. 47.
14. Шмидт Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / Э. Шмидт, Дж. Коэн ; пер. С. Филин. – Мюнхен, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.

References

1. Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti*. M. : Medium, 1995.
2. Bepalov D. N., Kazakov M. A. *Informatsionnaya vojna, i obespechenie bezopasnosti*. Rezhim dostupa: <http://politussia.com/society/kto-vyigryvaet-informatsionnyu-836/>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
3. *Voyny budushchego segodnya*. – Rezhim dostupa: <http://hrazvedka.ru/blog/polya-bitv-v-finansovoekonomicheskoy-vojne.html>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
4. Dubrovskiy A. *Perekhodim k novym formam voyny*. – Rezhim dostupa: <http://news.rambler.ru/28783458/>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
5. Kazakov M. A. *Gumanitarnaya bezopasnost kak osnovanie vnutrenney politiki sovremennoy Rossii*. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. N. Novgorod : Izd-vo NNGU, 2013, pp. 22–27. Ser. Sotsialnye nauki. № 1 (29).
6. *Kak nachinayutsya gibridnye voyny*. Rezhim dostupa: <http://voprosik.net/informacionnaya-vojna-nachalo-2015/>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
7. Karabushchenko P. L. *Natsionalnaya ideya sovremennoy Rossii: strana, derzhava, imperiya. Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*. 2014, no. 2 (39), pp. 151–157.
8. Karabushchenko P. L. *Elitologiya mifa* : monografiya. Astrakhan : Izdatelskiy dom «Astrakhanskiy universitet», 2008, 321 p.
9. Kasatonov V. *Informatsionnaya vojna protiv Rossii: otкуда iskhodyat udary*. Rezhim dostupa: <http://www.fondsk.ru/news/2015/01/29/informacionnaja-vojna-protiv-rossii-otkuda-ishodjat-udary-31527.html>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
10. Pocheptsov G. G. *Informatsionnye voyny*. M. : Refl-buk ; K. : Vakler, 2000, pp. 20–23.
11. *Psikhologicheskie voyny – novaya myagkaya sila*. Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/ng_politics/2014-11-18/15_conflict.html, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
12. *Soglashenie mezhdru pravitelstvami gosudarstv-chlenov Shangkayskoy organizatsii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti*. Rezhim dostupa: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=51984;dst=100107>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
13. Tukumakov D. *Mediakontserny Starogo Sveta. Komu primadlezhat evropeyskie SMI? Russkaya narodnaya liniya*. 2013, no. 3, 18 iyunya, pp. 47.
14. Shmidt E., Koen Dzh. *Novyy tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn lyudey, modeli biznesa i ponyatiye gosudarstv* ; per. S. Filin. – Mann, Ivanov i Ferber, 2013. – 368 s.